

Лин Си быстро нашел адрес, указанный в записке, и, войдя внутрь, объяснил цель визита. Ему сообщили, что режиссер Фэн на совещании, и попросили подождать немного. Просидев с четверть часа, он не знал, сколько еще продлится встреча, поэтому встал и начал расхаживать по длинному коридору. Вокруг никого не было, так что он мог не беспокоиться о своей осанке. Руки в карманах, он от скуки высоко поднимал ногу, делал широкий шаг вперед, затем разворачивался на месте, снова поднимал ногу и шагал назад, повторяя эту странную игру, чтобы убить время.

Прошло некоторое время, и в конце коридора появилась фигура. Увидев, как он ходит туда-сюда, человек решил, что Лин Си устал ждать, и успокоил его:

— Господин Лин, прошу прощения за долгое ожидание. Совещание у режиссера Фэна скоро закончится.

Как только появился человек, Лин Си сразу же принял привычный благопристойный вид и вежливо кивнул, стоя на месте.

Несмотря на то что с детства он участвовал в соревнованиях и не боялся сцены, сегодня почему-то почувствовал легкое волнение. Решив, что время еще есть, он достал телефон из кармана, немного подумал и набрал номер Лу Сяояня.

Лу Сяоянь никак не ожидал, что Лин Си сам ему позвонит, и его голос прозвучал с явной радостью:

— Лин Си?

— Это я, — ответил Лин Си, некоторое время молча кусая губу, а затем неожиданно спросил. — Скажи... как ты думаешь, я хорошо пою?

Лу Сяоянь на мгновение замер, а затем медленно и серьезно произнес:

— Лин Си, слушай, ты поешь очень хорошо, и выглядишь прекрасно. Когда-нибудь ты получишь премию «Золотая мелодия», и я арендую отель «Императорский двор», чтобы отпраздновать твой успех. Обещаю!

Лин Си тихо выслушал слова Лу Сяояня, его губы медленно растянулись в улыбке, а глаза и брови изогнулись, как у ленивого кота, который только что наелся рыбки и греется на солнышке:

— Хорошо, понял.

—

Лин Си даже не подозревал, что прямо напротив него, за стеной, режиссер, продюсер, ассистент оператора, композитор и другие люди наблюдали за ним, как за пандой в зоопарке, — ведь эта стена была односторонним зеркалом, и из-за тусклого света в коридоре эффект зеркала был не так заметен.

Персонал знал об этом трюке, но обычно никто не обращал на это внимания. Только Лин Си не знал и продолжал «выступать» за стеклом, привлекая внимание всей группы, которая находилась на совещании.

Ассистент оператора, который снимал документальный фильм о повседневной работе

режиссера, по профессиональной привычке навел камеру на Лин Си и доброжелательно заметил:

— Хм, неплохо, хорошо смотрится в кадре...

Продюсер, не знавший, кто такой Лин Си, повернулся к режиссеру:

— Кто это?

Режиссер, скрестив руки на груди и подперев подбородок рукой, долго наблюдал за ним, задумчиво произнеся вслух:

— Кто он? Он мне кого-то напоминает... как будто вымышленный персонаж...

Раньше Лин Си сопровождал учителя У на встречи с Фэн Анем и его командой, но ему не удалось пообщаться, так что, вероятно, Фэн Ань даже не помнил о его существовании. Первое впечатление, которое Фэн Ань произвел на Лин Си, было очень интеллигентным и строгим. Его лицо было чистым, одежда аккуратной, он говорил медленно, много размышлял, и его манера больше напоминала ученого из башни из слоновой кости, чем художника.

На самом деле встреча оказалась не такой формальной, как представлял себе Лин Си. Вся атмосфера больше напоминала дружескую беседу. Лин Си принес с собой демозапись, но Фэн Ань попросил его исполнить песню вживую. Пение для Лин Си не составляло труда, независимо от настроения, стоило ему только начать, как он сразу расслаблялся, забывая обо всем вокруг, полностью погружаясь в мир музыки.

Пока Лин Си пел, опустив голову, Фэн Ань с улыбкой наблюдал за ним, словно стоя в художественной галерее и с удовольствием рассматривая произведение искусства. Ассистент, снимавший рабочий процесс, постоянно крутился вокруг, фиксируя каждое движение Лин Си через видеокамеру.

После того как песня закончилась, Фэн Ань не стал сразу высказывать свое мнение, а пригласил Лин Си в зону отдыха, чтобы выпить чаю. По выражению лица Фэн Аня Лин Си не мог понять, как он его оценил, поэтому внутри немного нервничал. Войдя, он немного замешкался и сел на диван, который был дальше всего от Фэн Аня.

Фэн Ань молча рассматривал Лин Си, замечая, что тот был напряжен, сидел с прямой спиной, руки лежали на коленях, слегка скованно. Но его взгляд был искренним и твердым, без тени колебаний или неуверенности. Только когда он внимательно рассмотрел его, Фэн Ань тихо сказал:

— Тебя зовут Лин Си, верно? Красивое имя.

Лин Си коротко улыбнулся:

— Спасибо.

Разговор на этом застыл, и Фэн Ань продолжил один:

— Я думал, что ты помощник А У, но оказалось, что ты хороший певец. Судя по текстам и музыке, я бы никогда не подумал, что ты так молод. Кстати, двадцать с лишним лет назад, когда я только начинал, я уже сотрудничал с А У, мы давние знакомые. У него всегда был хороший вкус, особенно в поиске талантливых новичков.

Лин Си не знал, что ответить, поэтому лишь смущенно улыбнулся и промолчал.

Фэн Ань не обратил внимания на его молчание:

— Ты звучишь совсем иначе, чем тот парень, который пел раньше. Как бы это сказать... он был более эмоциональным, а ты более сдержанным. Мои коллеги, слушая его, говорили, что им хотелось плакать, но сегодня они реагировали спокойно.

Лин Си наклонил голову, задумавшись, и нахмурился:

— Почему нужно заставлять людей плакать?

На этот неожиданный вопрос Фэн Ань слегка удивился, и в его улыбке появилась доля иронии:

— Разве «плач» не самый простой и прямой способ выразить грусть и разочарование, как вскрик от боли?

Лин Си скептически поднял бровь:

— Я читал сценарий фильма у учителя и видел несколько черновых нарезок кадров. Я не думаю, что главный герой — это человек, который страдает и разочарован. Он просто одинок...

Фэн Ань не перебивал, лишь ободряюще смотрел на него, поэтому Лин Си продолжил:

— Представьте: человек живет на пустынном острове, вдали от жены и дочери, окруженный людьми, с которыми он не может общаться. Даже письма, которые были его единственной связью с домом, он не может отправить... У него нет никого, кому можно было бы излить душу, год за годом он справляется с трудностями сам, утешает себя сам, лечит себя сам, и даже разговаривает в основном с самим собой... Когда человек разговаривает сам с собой, разве он будет выражать столько сложных эмоций?

Фэн Ань одобрительно кивнул:

— Ты глубоко проанализировал. Когда страданий слишком много, человек привыкает к ним, особенно когда чувствуешь себя в ловушке судьбы без надежды.

Увидев, что Фэн Ань понял его, Лин Си обрадовался:

— Если бы он не смирился с этим, он, возможно, просто не смог бы выжить.

В этот момент сотрудник принес свежесваренный чай, и Фэн Ань с радушием предложил Лин Си попробовать свой личный запас чая, обсудил несколько моментов, связанных с чайной церемонией, а затем вернулся к теме:

— Возможно, это связано с моей профессией, но я всегда интересовался жизнью молодежи. Лин Си, расскажи, почему тебе нравится петь?

После предыдущего разговора Лин Си уже не стеснялся Фэн Аня и ответил прямо:

— Причина проста: я хочу стать знаменитым, хочу получить награду, хочу стоять на сцене и видеть, как тысячи людей аплодируют мне, хочу доказать тем, кто говорил, что я никогда не добьюсь успеха.

Фэн Ань не удивился его ответу:

— А если отбросить меркантильный интерес?

<http://bllate.org/book/16461/1493846>